

ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ ВАСИЛИЯ ЕРОШЕНКО

(Отрывки из повести Александра и Бориса Осыковых.
Окончание. Начало в № 1 за 2020 год)

Шаг из тьмы

Мелодия, будто тихий шелест листьев или еле различимое дыхание леса, казалось, возникала в тёмной гуще старинного бора. Будто лёгкий предрассветный ветерок, появившись на пороге новорождённого дня, пробежал по верхушкам деревьев, и они отозвались разом, негромким, загадочным голосом. Кристально-чистые звуки наполняют душу и сердце сладким волнением и неведомой, таинственной радостью. Звуки нарастают, усиливаются, словно могучие крылья расправляются для полёта. Мелодия вырывается на волю, ширится, растёт, заполняет собой всё вокруг.

Это играет московский скрипач-виртуоз, приехавший в Старый Оскол с концертом всего на один день. Василёк сидит рядом с отцом, необычно тихий, отрешённый от остального мира. Каждый нерв его напряжён до предела. Кулаки крепко стиснуты на ручках кресла так, что косточки пальцев побелели. Какие невыразимые, причудливо прекрасные картины-видения возникают перед ним.

– Спасибо, папа, что привезли меня сюда, – шепчет он, отыскивая отцову руку.

А благодарить надо маму. Это она уговорила мужа взять Василька с собой в город, куда Яков Васильевич ездил на осеннюю ярмарку.

После того концерта мальчик стал спрашивать, чтобы и его научили играть на скрипке.

Вскоре наняли старенького седого учителя из Старого Оскола, и начал он через день приезжать в Обуховку, давать Васильку уроки игры на скрипке. В то время мальчику уже минул седьмой год.

Для своего возраста это был высокий и физически хорошо развитый ребёнок. У него были большие синие глаза – ясные, чистые и как будто совсем здоровые. Только присмотревшись внимательно, можно было заметить, что взгляд их как-то странно блуждает, а иногда застывает неподвижно, устремлённый в невидимую точку. И тогда во всей фигуре мальчика чувствовалось страшное напряжение, усилие. Теперь только звуки и запахи были посланцами невидимого для него мира. По сути, весь мир воплотился для Василька в звуках и запахах. И вскоре он научится ориентироваться по ним – сначала в отцовской хате, а затем – в селе, в лесу, в поле...

...Всё началось с первых «незрячих» шагов по отцовской избе – он рассчитал расстояние от кровати до двери и оттуда до печи. Потом научился ходить, уже не считая шаги, а чувствуя расстояние по усталости мышц. Так он дошёл до калитки. Однажды обошёл ночной сад и присел у порога, прислушиваясь к звукам ночи. Из

ближнего леса доносились голоса птиц, из болота слышалось лягушечье кваканье. Грянул гром, и эхо его донеслось уже издалека. Он хорошо помнил: там ещё есть роцца, а в роцце пруд – пруд, в котором он так любил купаться.

И вот калитка позади. Он идёт по селу. Обострённым чутьём слепого чувствует, что впереди – церковь. Ну да, она здесь, рядом, он правильно запомнил. По эху определил: хаты справа, не так далеко, у ближнего леса. Стало холоднее, на траве роса. Значит, скоро утро. Он услышал – просыпаются птицы, и подставил лицо самому первому лучу утреннего солнца...

Слепота приучила его к ранней самостоятельности, обострила все органы чувств, особенно слух. Он научился быстро и безошибочно наощупь различать любые предметы и ориентироваться среди них. А в родной хате передвигался абсолютно уверенно, как зрячий человек. Если кто-то из родных пытался ему помочь, хотел повести за руку или обняв за плечи, он очень сердился.

Только и слышно было:

– Я сам, я сам!

На какое-то время ночная тьма стала для него другом. Только ночью он мог ходить по деревне, не слыша приглушённого шёпота за спиной («А у Якова-то сынок тёмный»), бродить свободно, словно зрячий. Вскоре он научился ориентироваться в деревне, в лесу, в поле не хуже, чем в отцовской избе.

И вот как-то днём Вася открыл калитку и, отбросив палку, походкой зрячего пошёл по Обуховке, а встречные односельчане то и дело оборачивались и удивлённо глядели ему вслед.

Однажды, когда он ушёл далеко за околицу, кто-то, видимо нездешний, попросил Василия указать дорогу в город – принял его за зрячего. Вскоре в деревне к нему привыкли и уже перестали удивляться, встречая его шагающим по Обуховке совершенно свободно и без палки.

Наибольшую радость мальчику доставляли занятия музыкой. Старый учитель не мог нарадоваться успехам своего воспитанника. Ведь кроме огромной любви к музыке Вася обладал редкостным прилежанием в учёбе и большим трудолюбием. А ещё у него обнаружился тонкий музыкальный слух.

Однажды Евдокия Васильевна попросила старшую дочь прочесть Васильку повесть писателя Короленко о слепом музыканте и его непростой судьбе. Книга поразила мальчишку. Он надолго задумался, а потом произнёс твёрдым голосом:

– Я тоже стану музыкантом. Вот увидите!

Рождение писателя

В 1899 году Якову Ерошенко с помощью местного помещика, одного из попечителей Общества призрения, воспитания и обучения слепых детей – графа Орлова-Давыдова – удалось устроить сына в школу для слепых детей в Москве. Воспитанников школы обучали чтению и письму. Василий быстро познал тайну шести выпуклых точек азбуки Брайля: из их сочетаний под пальцами рождались буквы, из букв складывались слова, бумага заговорила голосами литературных героев.

Порядки в школе, несмотря на то, что там учились и девочки, были суровые, почти армейские. И руководил школой бывший офицер царской армии, отставной кавалерийский полковник. Многие родители отдавали сюда своих детей, чтобы на долгие годы избавиться от них.

...Десять лет провёл Василий Ерошенко в школе для слепых. Здесь он научился не только играть на скрипке и гитаре, но ещё и плести корзины, делать щётки, лишь задавать «умные» вопросы так и не научился. Зато научился читать пальцами, и с этого момента во всю ширину громадных рельефно-точечных книг открылся перед ним сочинённый людьми мир человеческой сказки.

Чтение так захватило Василия, что он уже не мог читать один. Он собирал вокруг себя учеников из младших классов, и его тонкие музыкальные пальцы быстро скользили по строчкам. Движение пальцев, осязание ими точек превращалось в музыку его голоса, и он не пересказывал, а почти пел то, что узнавали его руки из книг. Распознавание пальцами даже самых знакомых слов, записанных выпуклыми буквами брайлевского алфавита, занимало некоторое время, но и этого времени ему было достаточно, чтобы добавить ещё одно, своё, из головы. И он добавлял, если чувствовал, что сказка от этого становится только интереснее.

Зелёная эстафета

В 1907 году – после окончания школы – Ерошенко приезжает из Москвы в родную Обуховку.

Высокий, льняные волнистые волосы до плеч, в белоснежной рубашке, заправленной в брюки, подпоясанные широким ремнём, за спиной гитара, в руке скрипка – таким он предстал перед родителями. Отец крепко обнял сына, мать заплакала, младшие Ваня, Нина и Маруся знакомились с ним, как с чужим. Только взрослые Нила, Александр да пятнадцатилетняя Поля помнили брата.

Дома он всё время пытается чем-то помочь по хозяйству, но в ответ слышит:
– Васенька, сыграй нам лучше на скрипке или спой под гитару.

И Василий играет и поёт, испытывая при этом гордость от того, что родные слушают его пение, затаив дыхание, а в конце непременно аплодируют, выражая искреннее, неподдельное восхищение талантом сына и брата.

Ну а вечера полностью отданы самому любимому и увлекательному занятию – чтению. Наиболее интересные книжки стал перечитывать заново, но вскоре придумал себе ещё более увлекательное занятие – перед сном, уже лёжа в постели, он начинал фантазировать, сочиняя продолжение прочитанных историй, придумывая для полюбившихся героев всё новые и новые приключения, отправляя их в самые невероятные, самые опасные и рискованные путешествия.

Весной 1908 года Ерошенко возвращается в Москву. Попечительский совет Общества призрения, воспитания и обучения слепых детей помог ему в трудоустройстве. Василий выдержал конкурс и поступил вторым скрипачом в Московский симфонический оркестр слепых. По вечерам оркестр играл в популярном

столичном ресторане «Якорь» на Сухаревской

площади. Юный музыкант быстро заво-

евал популярность – многие посещали

«Якорь» лишь для того, чтобы послу-

шать игру красивого слепого юноши.

Страдальческая улыбка освещала

его чистое, нежное, даже чуть жен-

ственное лицо. Василий откидывал

назад ниспадавшие до плеч льняные

волнистые волосы и начинал играть.

Заказывали обычно цыганщину, пла-

тили щедро...

И тут в его судьбу вмешался счастли-

вый случай. На слепого юношу

обратила внимание Анна Никола-

евна Шарапова. Личность яркая и

неординарная, родственница се-

кретаря Льва Толстого П. Бирю-

кова, она принадлежала к кругу

лиц, близких великому писателю,

переписывалась с ним, переводила

произведения Толстого на между-

народный язык эсперанто. Шарапо-

ва свято верила в универсальность

этого искусственного языка и была

национальным секретарём от России

в Международном союзе эсперанти-

стов-вегетарианцев, первым почётным

президентом которого был избран сам

Толстой. Найдя в лице Ерошенко бла-

годарного слушателя, именно Анна Николаевна первой познакомила любознательного юношу с языком эсперанто.

Анна Николаевна рассказала Василию о создателе языка эсперанто докторе Заменгофе, о первых международных конгрессах эсперантистов, где люди самых разных национальностей из десятков стран свободно общаются без переводчиков, разговаривая только на эсперанто, а также о том, что в предместье Лондона – Норвуде – есть Королевский колледж и Академия музыки для незрячих, где он мог бы продолжить своё образование.

Вдохновлённый советами своей новой наставницы, Ерошенко уже через два месяца довольно неплохо овладел языком эсперанто и вскоре смог самостоятельно вступить в переписку с зарубежными эсперантистами. Всё это время он также не расставался с точечным англо-русским словарём, по которому изучал английский язык.

В 1912 году в журналах «Слепец» и «Вокруг света» появилась заметка «Путешествие русского слепца в Лондон», в которой сообщалось: «Воспитанник московского училища для слепых 22-летний В. Я. Ерошенко, два-три года игравший в оркестре слепых в разных московских ресторанах, так основательно изучил эсперанто, что благодаря главным образом англо-эсперантскому словарю точечного письма, лондонским журналам и книгам и переписке с эсперантистами из Англии, быстро научился и по-английски (даже удивляет англичан своим знанием английской стенографии для слепых). Наконец, он взял шестимесячный отпуск в оркестре и 6 февраля нынешнего года отправился один (без провожатого) в Лондон. Из Москвы успели предупредить письмом делегатов универсальной Эсперанто-ассоциации в Германии, Бельгии, Франции и Англии, и по дороге он встретил много помощи и участия не только от зрячих, но и от слепых».

Много лет спустя Василий Яковлевич будет говорить: «Я видел Токио, вчера я осматривал Пекин». Но впервые слово «видел» он употребит, рассказывая о Берлине. Здесь, в Берлине, для него началась «зелёная эстафета». Десятки незнакомых людей встречали его по пути, помогали «осматривать» места, пересаживаться с поезда на поезд.

В очерке «Моё первое заграничное путешествие» Ерошенко, не скрывая эмоций, так оценивает роль, которую сыграло в его судьбе знакомство с удивительным миром эсперанто, где царили отношения подлинной дружбы и настоящего братства: «Поистине могу сказать, что лампа Аладдина не могла бы помочь мне больше, чем зелёная звёздочка – символ эсперанто. Я уверен: никакой джинн из арабских сказок не мог бы сделать для меня больше, чем сделал для меня гений реальной жизни Заменгоф, творец эсперанто».

Рисунки Станислава ЧЕРНЯЕВА